

3. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социол. этюд / Э. Дюркгейм. – СПб.: Союз, 1998. – 492 с.
4. Имянитов, И.С. Объективные смыслы жизни и существования / И.С. Имянитов // Новая и новейшая история. – 2006. – № 7. – С. 84–94.
5. Кузнецов, М.Т. Социология и психобиология самоубийства / М.Т. Кузнецов, Ю.М. Бубнов, Б.М. Голденберг. – Минск: Право и экономика, 2006. – 238 с.
6. Лукашевич, В.К. Идеино-воспитательная работа со студентами в учебное время: ресурсы повышения действенности / В.К. Лукашевич // Пути повышения эффективности идеологической, воспитательной работы в вузе: материалы межвуз. конф., Минск, 12 мая 2005 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: В.В. Садовский [и др.]. – Минск, 2005. – С. 14–17.
7. Осипов, А.И. Духовность. Традиция. Патриотизм: Монография / А.И. Осипов. – Минск: Молодеж. науч. о-во, 2001. – 99 с.
8. Право быть человеком: сб. / АН Беларуси, Отд. науч. информ. по гуманит. наукам; редкол. Л.Ф. Евменов [и др.]. – Минск, 1996. – 236 с.
9. Пирогов, Н.И. Избранные педагогические сочинения / Н.И. Пирогов. – М.: Педагогика, 1985. – 496 с.
10. Тузова, Т.М. Ответственность как личностная структура: между предельностью и эмпирической разрешимостью понятия / Т.М. Тузова // Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17–18 ноября 2005 г. / НАН Беларуси, Ин-т философии; науч. ред. В.Н. Новиков [и др.]. – Минск, 2006. – С. 100–109.
11. Франк, С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк. – СПб.: РХГИ, 1997. – 448 с.
12. Хеллер, М. Творческий конфликт: О проблемах взаимодействия научного и религиозного мировоззрения / М. Хеллер. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 216 с.

Материал поступил в редакцию 25.10.11

LAHUNOVSKAYA A. A. Values of Christianity in the teaching of socio humanitarian disciplines

The article examines the influence of Christian values in the socio-cultural situation in which the proceeds spiritual formation of the young man, identified the place and role values of Christianity in teaching socio-humanitarian disciplines. Christian values are determined as a factor in the moral development of the Belarusian Youth: justified by their ability to objectify the free and responsible choice of man of his fate and destiny and the meaning of life, resulting from the inherent values of ownership, clear and proportionate to their individuals aspirations.

УДК 32.019.51

Данилов Ю.Д.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Современный мир вступил в полосу глобальных перемен, где уже во многом не сами люди, не территория, не природные ресурсы обеспечивают национальную безопасность и высокий жизненный уровень народа, а духовный интеллектуальный и технологический потенциал политической власти. Именно в условиях власти, облеченной в информационно-интеллектуальную форму, проблема генерирования, или, наоборот, уничтожения духовно-интеллектуального ресурса, становится ключевой.

События последних лет наглядно показывают, что в мире активно меняются формы ведения политической борьбы, их содержание, и, естественно, терминология, применяемая при описании этих новых явлений в политической реальности.

Центральным объектом воздействия политики продолжает быть сознание человека. Но если раньше оно было в большей степени лишь метафорой в контексте описания политических устремлений, то теперь сознание отдельного человека и целых народов стали точно рассчитываемым предметом воздействия и оперирования. Борьба за сознание трансформировалась в политическую деятельность, ведущуюся иными, в том числе и неполитическими методами. Острота же самой борьбы породила применение в политике и политической науке новой терминологии, более адекватно отражающей содержание происходящих процессов.

Таким явлением современной политической действительности стала «информационная война». Рассмотрение этого феномена актуализируется тем обстоятельством, что часто в политической, научной, и, особенно, публицистической литературе применение термина «информационная война» осуществляется крайне небрежно. С одной стороны, под это понятие подводят любую информационно-пропагандистскую деятельность государств, их политических институтов, элит, лидеров и прочих агентов политики. С другой – категория «информационная война» сужается до отражения сугубо специфического, военного по природе, но ведущегося схожими техническими и технологическими средствами явления, обозначаемого в военной науке понятием «радиоэлектронная борьба».

Политическая борьба – это борьба за ресурсы. Первый чемпион мира по шахматам В. Стейниц сформулировал правило: «**чем больше преимуществ будет получено в отдалённых от военных действий областях** (к примеру – в духовной сфере, – авт.), тем **вероятнее взять контроль над всеми ресурсами противника**. То есть необходимо получить преимущество над соперником в тех областях человеческой деятельности, которые, казалось бы, на первый взгляд не связаны непосредственно с войной» [1]. Представляется, что это правило в определенной мере правильно отражает сам факт появления рассматриваемой проблемы.

В XX веке появились новые методы ведения войн, как продолжения политики. В одних войнах решающая роль отводится современным способам вооруженной борьбы (бесконтактная война), в других – экономике (блокады, санкции и т.п.), в третьих – подрывным методам, подготовке и использованию «пятой колонны» и т.д. Развитие и повышение роли информационного поля и информационных средств вызвала к жизни серию нетрадиционных войн уже не в виде исключения. В этих конфликтах содержание противоборства может принимать характер самых различных комбинаций, а в ряде случаев состояние войны даже трудно отличить от состояния мира. Таким именно образом в системе реальных политических отношений на глобальном уровне уже проявила себя «холодная война». В политической теории такие состояния упоминаются под терминами «четвертая мировая война», «пятая мировая война», «консциентальная война» и т.п. Эти понятия пока еще официально не получили широкого распространения ни в научных кругах, ни в политике. Тем не менее, процессы, которые предсказывали в свое время С. Хантингтон («глобальное столкновение цивилизаций»), А. де Маранш («противостояние между западной цивилизацией и араб-исламским миром»), Д. Вулси («конфликт Америки с арабскими режимами и радикальным исламом»), Ж.-Л. Брююскре («Столетняя война современности») – уже реальность, в которой человечество живет не одно десятилетие.

Основная направленность эволюции технологий власти и соци-

Данилов Юрий Дмитриевич, доцент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ального управления всегда заключалась и заключается в настоящее время в том, чтобы, используя наименьшие затраты, достичь господства над сознанием как можно большего количества людей. Отличительной чертой современного этапа является то, что завоеванию этого господства способствует переход к новому качественному состоянию общества, которое характеризуется резким повышением роли информационных процессов и, в частности, созданием целой индустрии производства информации, контроля над ее потоками, а также появлением специализированных институтов, осуществляющих управление ей.

Доказано, что общим источником внешних угроз информационно-психологической безопасности личности является та часть информационной среды общества, которая в силу различных причин неадекватно отражает окружающий человека мир, т.е. информация, которая вводит людей в заблуждение, в мир иллюзий, не позволяя адекватно воспринимать окружающее и самого себя. Поэтому эта среда и выступает в качестве основного театра «военных действий» в условиях информационной войны.

Основными субъектами информационно-психологического воздействия на человека выступают государства (прежде всего иностранные) и их институты, само общество (различные общественные, экономические, политические и иные организации, в том числе зарубежные), различные социальные группы (формальные и неформальные, устойчивые и референтные и пр.), отдельные личности (в том числе представители государственных и общественных структур, разнообразных социальных групп и т.п.). В качестве основных средств информационно-психологического воздействия на человека они используют средства массовой коммуникации (прежде всего информационные системы, например, Интернет и т.п.), литературу, произведения искусства (прежде всего, различные направления так называемой массовой культуры), образование и воспитание, личное общение.

Кроме того, сама философская концепция информационного общества базируется на нематериальном субстрате, который остаётся устойчивым и неизменным при любых своих внутренних преобразованиях и которому характерны самовоспроизводство, неистощимость и даже возрастание в процессе использования. Суть данной парадигмы состоит в том, что реальной экономической ценностью обладает лишь информация. Например, современное западное общество позиционирует себя исключительно как информационное, практически не связанное с материальным производством, но на самом деле зависимое от последнего. Даже специфика идентификации Запада состоит в том, что он, в качестве информационного общества, базируется на реальной экономике и лежащем в ее основе производстве энергоносителей, но, в то же время, относит эту экономику к архаичной и пережиточной. Как отмечает А.Н. Панарин, «информационное общество» — это психоаналитическая структура, замешанная на вытеснениях, репрессиях и подменах» [2, 63]. С этим можно согласиться, имея в виду парадоксальный факт, что именно постиндустриальное общество создало самый большой разрыв в уровне жизни людей за последние столетия и почти две трети населения Земли проживают сейчас в сложных социально-экономических условиях. Именно оно выдвинуло на передний план национально-религиозные проблемы, т.к. в значительной степени уровень жизни касается страны (нации) как целого. В таких условиях становится вполне естественным, что политико-экономическая власть, облеченная в информационные формы, подчиняющая одно государство другому, оказывается гораздо сильнее, чем любая непосредственная военная сила. Соответственно вполне обоснованным представляется и применение термина «информационная война» для обозначения и адекватного отражения содержания конфликтных политических процессов современности.

В самом общем виде информационную войну можно определить как комплексную систематическую целенаправленную деятельность агентов политики по информационному воздействию на сознание индивидов, социальных групп, общностей, обществ и создаваемых ими институтов, для изменения их поведения и навязывания целей, лежащих вне сферы их интересов с помощью информа-

ционно-коммуникационных ресурсов, а также по защите от подобных воздействий со стороны противника.

Объектом информационной войны является в основном массовое сознание, что подразумевает прежде всего учёт особенностей больших групп, но не исключает исследование и учёт индивидуальных особенностей объекта, когда речь идет о точечном воздействии на политические элиты и лидеров.

Важно отметить, что теоретическая разработка термина «информационная война» велась параллельно с созданием конкретных программ ее осуществления. По мнению российских исследователей В. Лисичкина и Л. Шелепина, официальные сведения о начале информационно-психологической войны, можно отнести к 18 августа 1948 года, когда Совет национальной безопасности США утвердил директиву 20/1 «Цели США в отношении России» [3, 36]. Эта директива утверждала собой войну качественно нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется за целенаправленное изменение общественного сознания. В такой войне воздействие на сознание людей проводится как извне, так и изнутри страны, причем именно последнее имеет решающее значение. Сам же термин «информационная война» впервые использовал Томас Рона в отчете «Системы оружия и информационная война», подготовленном в 1976 году для компании Boeing, где указал, что именно информационная инфраструктура становится ключевым компонентом современной политической борьбы [4]. Официально этот термин впервые использован в директиве министра обороны США DODD 3600 от 21 декабря 1992 года. В феврале 1996 года, Министерство обороны США ввело в действие «Доктрину борьбы с системами контроля и управления», где уже излагались и принципы ведения информационной войны, была определена организационная структура, порядок планирования, обучения и управления ходом информационных операций.

В конце 1996 г. Р. Банкер, эксперт Пентагона, на одном из симпозиумов представил доклад, посвященный перспективам развития военной доктрины США в XXI столетии (концепции «Force XXI»). В ее основу было положено разделение всего театра военных действий на две составляющих: традиционное пространство и более важное — киберпространство. На основе этого проекта в октябре 1998 года, министерство обороны США вводит в действие «Объединенную доктрину информационных операций». Примечательно, что первоначально этот документ назывался «Объединенная доктрина информационной войны» и только позже был переименован в «Объединенную доктрину информационных операций». Причина изменения состояла в том, чтобы развязать соотношение понятий «информационная операция» и «информационная война». Различия доктрина определяла в следующем:

- информационная операция: действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем;
- информационная война: комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника [5].

После террористического акта 11 сентября министр обороны США Д. Рамсфельд заявил, что США должны готовиться к войне нового типа, которая будет разительно отличаться не только от войн XX века, но и от войны с международным терроризмом. В зарубежных источниках эта грядущая война, получила название «сетевой войны» (network-centric warfare), а ее концепция была положена в основу программы военного строительства в США до 2010 года («Joint Vision 2010»). Для ее ведения уже сегодня создана новая глобальная информационная сеть Пентагона (проект Defense Information Grid), первым полигоном которой стал Афганистан [6]. «Сетевая война», как этап развития информационной войны, основана на достижении информационного превосходства над противни-

ком за счет связи интеллектуальных объектов (сети датчиков, штабов и исполнительских узлов) в единое информационное пространство театра военных действий.

Доктрины информационных войн разрабатываются и в других странах, эксперты отмечают, что уже более 20 стран планируют и осуществляют различные виды информационных операций.

В сентябре 2000 года была принята Доктрина информационной безопасности России. В отличие от подхода, обозначенного США, в российской Доктрине на первое место ставится обеспечение информационной безопасности индивидуального, группового и общественного сознания.

Китайская концепция информационной войны включает уникальные китайские представления о войне вообще, основанные на доктрине «народной войны» Мао Цзэдуна, 36 «стратегиях великого» Сун Цзы, а также местных представлениях о том, как воевать на стратегическом, оперативном и тактическом уровне [7, 41].

Британское представление об информационной войне подобно американскому рассматривает ее как проведение действий, воздействующих на информационные системы противника, при одновременной защите собственных систем. Кроме того, Великобритания использует юридическую процедуру, основанную на существующих законах, которая может применяться к действиям в киберпространстве - Regulation of Investigatory Powers Act (RIP), принятую в 2000 году [8, 23]. Она предполагает, что нападения на информационные системы или их использование в деструктивных целях может рассматриваться как обычное уголовное преступление со всеми вытекающими последствиями (чем и воспользовалась британская Фемида после беспорядков 2011 года, организованных через социальные сети). Данный акт позволяет британскому правительству перехватывать и читать электронную почту, а также требовать расшифровки личных файлов по требованию государственных чиновников.

Немецкое понимание включает ведение наступательной и оборонительной информационной войны для достижения национальных целей. Особенностью является то, что при определении угроз и возможных ответов, иностранные государства рассматриваются отдельно от негосударственных объединений – преступных сообществ (организованные преступные группы, хакеры и т.д.) и индивидуумов. Кроме того, Германия, подобно французам, отдельно вводит определение для экономической информационной войны.

Франция располагает концепцией информационной войны, состоящей из двух главных элементов: военной и экономической (или гражданской). Военная концепция предполагает несколько ограниченную роль информационных операций, имеющих место в контексте конфликтов малой интенсивности или в миротворческих операциях. Экономическая концепция включает более широкий диапазон потенциального применения информационных операций, и в этом случае французы не видят себя связанными рамками НАТО, ООН или согласием США.

Существует и секретное общенатовское определение информационной войны, но оно не доступно в открытой печати, известно лишь, что оно во многом схоже с аналогичным американским определением.

Как указывалось, специфика информационной войны заключается в ее комплексном характере, включающем два основных направления. Первое, главное направление, как и раньше – воздействие на сознание человека, в результате которого он совершал бы нужные действия. Второе направление – использование средств поражения (информационного оружия – авт.), основанного на культурологических, информационных и компьютерных технологиях и которое может действовать издалека, без потерь со своей стороны.

В современном мире уже накоплен огромный потенциал видов, способов и приемов ведения информационной войны на различных уровнях и в различных условиях. В самом информационном обществе появилось могучее средство реализации ее приемов и методов – средства массовой информации (СМИ) и телекоммуникационные системы. Учитывая масштабы их развития и степень проникновения в общество выявить факты информационной агрессии можно только или в результате сложного процесса ее аналитической реконструк-

ции, или по немногочисленным косвенным внешним проявлениям этой деятельности. Признаками, указывающие на то, что в отношении данного государства готовится информационно-психологическая война, могут выступать следующие явления:

- укрупнение геополитических субъектов, создание новых союзов и коалиций на основе совместных интересов за право влияния на определенные части информационно-психологического пространства;
- возникновения внутри государства и на его границах новых субъектов геополитической конкуренции, способных самостоятельно выходить на международный уровень, геополитические интересы которых не совпадают интересам государства;
- наращивание своего присутствия и влияния над национальными СМИ, установление внешнего контроля над информационными потоками, ресурсами и психологической сферой общества;
- осуществление информационной блокады и/или создание негативного психологического фона, представляющего жизнь общества, как правило, в негативном ключе;
- целенаправленные действия по формированию внутри общества атмосферы страха, неуверенности и психологической напряженности.

В силу латентности протекания информационно-психологической операции жертва агрессии может обнаружить, что на нее напали, только на завершающей стадии проведения такой операции, когда локализация ущерба уже вряд ли возможна.

На основе анализа и сопоставления сущности, целей, признаков, особенностей протекания и результатов, можно сформулировать основные отличия между информационной войной и войной традиционной:

- обычная война обладает известным и четким арсеналом воздействий, арсенал же воздействия войн информационного характера характеризуется латентностью, гибкостью и непредсказуемостью;
- в случае обыкновенной войны территория захватывается полностью, а при информационной войне возможен поэтапный захват, поскольку она может идти на фоне состояния всеобщего мира;
- в рамках обыкновенной войны логика определения победителя действует по принципу «да-нет», в случае войны информационной имеется вариант нечеткой логики, когда оценки могут даваться с определенной вероятностью (например, на 40 %, на 60 % и т.п.);
- информационная война во многом стирает четкое разграничение «свой/чужой», можно считать кого-то союзником, хотя на самом деле он является врагом, информационные войны ведутся и против союзников;
- физическое оружие традиционной войны наносит ущерб в пределах зоны поражения всему потенциалу противника, информационное оружие действует избирательно, охватывая поразному различные слои населения;
- театр военных действий в информационной сфере (включаящий сети, сетевую инфраструктуру, потоки информации) формируется человеком, а не географической средой, как это имеет место в обычной войне;
- линия фронта, глубокий тыл и другие традиционные понятия военной теории в информационно-психологических боевых действиях теряют свою смысловую нагрузку;
- в мире еще не определено окончательно, и не закреплено законодательно, когда информационно-психологические акции становятся агрессией, сопоставимой с вооруженным вторжением армии иностранного государства, поэтому фактически операции могут проводиться в условиях официального мира и не иметь правовых санкций.

Таким образом, можно утверждать, что политическое противоборство, обозначаемое термином «информационная война» – принципиально самостоятельное явление политической действительности, имеющее свои собственные принципы, закономерности, формы и методы реализации, особую ресурсную базу. Конечная цель информационных войн – это, прежде всего, изымание людей из спо-

жившихся культурных форм общностей, разрушение народа и превращение его в население. В отличие от обычной войны, в которой используется принцип кумулятивного применения ресурсов (варьирование в использовании доминирующего ресурса по времени и месту применения), в информационной войне происходит тотальное (в пространственном измерении) и непрерывное (во временном измерении) применение всех ее ресурсов с целью достижения необратимого поражения сознания больших масс населения.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов, И. Занимательная политология. [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: <http://ivanivanov4.narod.ru> Дата доступа: 10.09.2011.
2. Панарин, А. Стратегическая нестабильность XXI века // Москва – М., 2002. – №№ 4–12.
3. Лисичкин, В. Третья мировая информационно-психологическая война / В. Лисичкин, Л. Шелепин – М., 1999.
4. Thomas P. Rona, «Weapon Systems and Information War», Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: <http://www.agentura.ru> – Дата доступа: 21.09.2011.
5. Гриняев, С.Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива. Определение информационной войны. [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: <http://www-4.narod.ru/warfare/arinvayev/> Дата доступа: 21.09.2011.
6. Храмчихин, А. Смертельная сеть. Концепция сетевцентрической войны. [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/tech> – Дата доступа: 21.09.2011.
7. Борисенко, М. Роль политической мифологии в современной мировой политике // Вестник МГУ. Сер. Социология. – 2002. – № 3.
8. Lambert M. Surhone. Regulation of Investigatory Powers Act 2000. ООО «Книга по Требованию». – М., 2010.

Материал поступил в редакцию 20.09.11

DANILOV Yu.D. Information war: the genesis of the concept in political terms

Article is devoted to study the concept of "information warfare" as a political science category. The genetic and semantic aspects of the concept of "information war", reflecting the effects of contemporary political reality, and its characteristics, attributes of manifestation, projects and forms of practical implementation of some actors in world politics.

УДК 60.5, 66.0, 327

Стариков В.И.

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И НАУЧНАЯ РАЗРАБОТАННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене посредством внешней политики, целью которой является удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Однако в настоящее время государство, которое традиционно являлось главным или даже единственным субъектом политики в сфере международных отношений (в чем были убеждены сторонники политического реализма), теперь уже не представляет собой самодостаточное политическое или экономическое образование. Оно становится лишь фрагментом, частью более широкого образования - всемирной политической системы, мировой экономики, мирового сообщества. Таким образом, на него и на его внешнюю политику огромное влияние оказывают такие процессы, как глобализация, выражающаяся в формировании глобальной финансовой системы, единого информационного пространства, транснационального производства, сети мировой торговли и системы культурных ценностей.

Эволюция роли и значения государства как социально-политического института вообще и государственного суверенитета в частности является в настоящее время одной из наиболее актуальных и дискуссионных тем. Происходящие сегодня в мире фундаментальные процессы в сфере политики и экономики во многом меняют привычные взгляды на роль государства и значение его формального атрибута – государственного суверенитета. Связано это в первую очередь с тем, что в современном мире государства все в большей степени вынуждены поступаться частью своих прерогатив, будучи ограниченными в принятии политических решений.

Исходным пунктом и важнейшим предметом дискуссий в этом плане является положение национального государства – главного воплощения национального принципа. Практически в любом из отмеченных процессов глобализации легко усмотреть определенный вызов государственному суверенитету. Все они создают либо усиливают отдельные ограничители возможностей и/или свободы действий государства в таких сферах, как развитие национальной экономики, контроль над информацией и связями общества с внешним миром, экология, формы и масштабы применения военной силы,

отношения с остальными странами, выбор режима правления и т.д. Однако сама по себе такая констатация не проливает большого света на проблему - власть вообще относительна, государства никогда не были абсолютно суверенными и автономными, а общества - полностью оторванными друг от друга.

Глобализация не ведет к отмиранию института государства, а выставляет к государству гораздо более высокие требования, связанные с переплетением и столкновением национальных интересов различных государств. Государства включаются в более сложные структуры международных отношений, само время ставит перед ними требования об усиленной международной ответственности за свои внутренние дела.

Государственный суверенитет является фундаментом в регулировании международных отношений и создании международных организаций и межгосударственных объединений. Это признано нормами международного и национального права.

В трактате «Шесть книг о государстве» (1576г.) французский юрист и богослов Жан Боден дал классическое, повсеместно цитируемое определение суверенитета как «абсолютной непрерывной власти государства», как «высшей, абсолютной и постоянной власти над гражданами и подданными в политическом сообществе». При этом он понимал суверенитет сконцентрированным в личности верховного правителя. Позднее Г. Гроций отделил суверенитет государства от суверенитета конкретного носителя государственной власти и совокупности конкретных его прав. Разделение понятий, характеризующих различные политико-правовые явления верховенства государственной власти и полномочия, позволило рассмотреть суверенитет не как свойство государственной власти, а как свойство, существенный признак государства.

В разработку концепции суверенитета существенный вклад внесли такие ученые и мыслители, как М. Вебер, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, К. Шмитт; существенное влияние на институциональную трактовку суверенитета оказали исследования таких классиков политико-правовой мысли, как Н. Макиавелли, Дж. Локк, Ф. Гизо, Ж. де Местр, Ж. Маритен, которые и определили основные методологические

Стариков Виктор Иванович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и предпринимательства (г. Минск).